

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

УДК 882.09 «18»

Л.В. Соколова

Проза писателей-традиционалистов второй половины XX века в контексте русской и западноевропейской критики

В статье освещается феномен так называемой «деревенской прозы» или прозы писателей-традиционалистов в контексте острых полемических дискуссий отечественного и зарубежного литературоведения о нации и менталитете. Спецификой данного литературного направления является отражение особенностей национального сознания и ориентация на анти-модернистский стиль.

Ключевые слова: проза писателей-традиционалистов, национальный концепт, контекст, дискуссия.

The article is dedicated to the actual theme – the literary and critic discussions of 1960–1990 years about Russian Village Prose; the article contains an analysis of mains interpretations of Russian and foreign critics of national concepts and ideas expressed in traditional Russian literature of this period and main characteristics of the Anti-Modernism style in Contemporary Russian prose.

Keywords: traditional prose, national concept, context, critic discussions.

Среди множества направлений русской литературы второй половины XX века феномен писателей-традиционалистов (к ним мы относим В. Белова, В. Астафьева, В. Шукшина, В. Распутина и представителей так называемой «деревенской прозы») уже пятое десятилетие вызывает большой интерес и оживленные дискуссии как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. Особое внимание именно к этому литературному направлению во многом обусловлено тем, что в нем находят продолжение традиции классической русской литературы, исконно входившей в лоно мировой цивилизации. Это литературное направление, с одной стороны, развивает традиции русской классики, с другой стороны, открывает совершенно новый подход к действительности, где главным становится соотношение «человек-мир», причем мир осознается в контексте бытия, а не в контексте ограниченных во времени исторических событий, и конфликт, которым отмечено сознание героев, разворачивается не в индивидуальном сознании, а в народном всечеловеческом бытии.

Проза писателей-традиционалистов или «деревенская проза»¹ стала одним из наиболее значительных литературных явлений второй половины XX в. благодаря тому, что приход в литературу целого ряда талантливых писателей совпал по времени с драматическим и противоречивым поворотом в национальной истории. До середины XX в. большинство населения России составляли сельские жители. Национальный народный характер все с большей условностью, но все-таки с достаточным основанием отождествлялся с крестьянским характером. На протяжении ста лет, со времени отмены крепостного права, шли параллельные процессы приобщения выходцев из простонародья, села ко всем сферам национальной жизни и постепенного раскрестьянивания России. На рубеже 60-х гг. XX в. оба эти процесса достигли в определенном смысле высшей точки развития: крестьянская цивилизация с присущими ей формами труда, быта, социального устройства, философией, эстетикой безвозвратно ушла в прошлое. Возникший в этой исторической ситуации кризис национальной самоидентичности во многом и вызвал к жизни «деревенскую» прозу и поэзию второй половины XX в. – ведь они осуществляли своего рода компенсаторную функцию по отношению к десятилетиями отторгаемым, подавляемым пластам национального менталитета.

В этом смысле «деревенская проза» отразила конкретные последствия «раскрестьянивания» русской деревни, причем в творчестве писателей, развивавшихся в русле данного литературного направления, сразу же обнаружились две важнейшие тенденции, определившие впоследствии облик «деревенской прозы»: вненаходимость по отношению к канонам соцреализма² и опора на типологически родственную ей литературу XIX в.

---

¹ Условность общепринятого, в качестве рабочего, термина очевидна; на дискуссионность термина обращают внимание как отечественные, так и зарубежные исследователи (см., например: Селезнев Ю.И. Василий Белов: Раздумья о творчестве и судьбе писателя. М., 1983. С. 62–64; Сигов В. Русская идея В.М. Шукшина. М., 1999. С. 19–20; Дунаев М.М. Православие и русская литература: в 6 ч. Ч. VI. М., 2000. С. 348–349; Большакова А.П. Нация и менталитет: феномен деревенской прозы XX века. М., 2000. С. 4–18; а также: Вертлиб Е. Василий Шукшин и русское духовное возрождение. Нью-Йорк, 1990. С. 61, 164; Parthe K. Russian Village Prose. The Radiant Past. Princeton, New Jersey, 1992. P. 3–12, 83–84; Sheidman N.N. Soviet Literature in the 1980s: Decade of Transition. Toronto-Buffalo-L. 1989. P. 94, 115–116; Mehnert K. The Russians and their favorite books. Stanford. California. 1983. P. 84–85 и др. На наш взгляд, не менее спорными являются и предложенные варианты замены термина («онтологическая проза» – Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. М., 1983; «натурфилософская проза» – Смирнова А.И. Не то, что мните вы, природа...: Русская натурфилософская проза 1960–1980-х гг. Волгоград, 1995 и т.д.), поэтому в настоящей статье используется традиционный термин, который в силу своей условности, берется в кавычки.

² Характеристика «деревенской прозы» как литературного направления, вненаходимого по отношению к соцреализму содержится в следующих исследованиях: Сигов В. Русская

«На рубеже 70-х и в 70-е гг. в советской литературе произошел не сразу замеченный беззвучный переворот, без мятежа, без тени диссидентского вызова. Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если бы никакого «соцреализма» не было объявлено и диктовано, – нейтрализуя его немо, стала писать в простоте, без какого-либо угождения, кадения советскому режиму, как бы позабыв о нем. В большой доле материал этих писателей был – деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, от этого (а отчасти и от снисходительного самодовольства культурного круга, и не без зависти к удавшейся вдруг чистоте нового движения) эту группу стали звать д е р е в е н щ и к а м и. А правильно было бы назвать их н р а в с т в е н н и к а м и – ибо суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью», – так спустя примерно три десятилетия после явления «деревенской прозы» говорил о ней А. Солженицын [29, с. 186]. В данной характеристике А. Солженицын отмечает не только оппозиционность «деревенской прозы» соцреализму, но и ориентацию писателей-«деревенщиков» на классическую традицию русской литературы. С данным подходом солидарен и исследователь творчества В.М. Шукшина В. Сигов. «Во многих явлениях литературы 60–70-х гг. «ожили» и получили органическое развитие лучшие традиции народности классической литературы, – пишет В. Сигов. – При этом литераторы, взглянувшие на народную жизнь изнутри, на социально-политические вопросы внимания обращали не так уж много<...> Эстетико-философская сверхзадача их творчества была сложнее и важнее. Она состояла в том, чтобы подвести итог, художественно запечатлеть результаты неизбежного демократического прорыва, который был осуществлен в трагических формах XX века». По мысли исследователя, именно «деревенская проза» продолжает развивать пушкинскую традицию «органической народности». В отличие от социально-дидактического искусства, которое выясняет истину в борьбе «нового» со «старым», «будущего и настоящего», «органическая народность» позволяет видеть настоящее как динамический момент непре-

---

идея В.М. Шукшина. С.19–20; Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. Кн. 2. М., 2001. С.42–43; Дунаев М.М. Православие и русская литература. С. 348–387; Большакова А.П. Нация и менталитет: феномен деревенской прозы XX века. М., С. 18–35, а также: Hosking G. The Russian peasant rediscovered “Village prose” of the 60’s // Slavic rev. Seattle, 1973. Vol. 32. № 4. P. 705–724; Dunlop J. Ruralist Prose Writers in the Russian Ethnic Movement // Ethnic Russia in the USSR. The Dilemma of Dominance. N.Y.-Oxford-Toronto-Sydney-Frankfurt-Paris, 1980. P. 81; Porter R. Four Contemporary Russian Writers. Oxford.-N.Y., 1989. P. 51; Parthe K. Russian Village Prose. The Radiant Past. P. 5–17.

рывного движения от прошлого к будущему. «Органическая народность», не отрицая различий, обусловленных временем, подчеркивает все-таки единство народно-временного потока жизни. Именно возвращение к традициям «органической народности», по мысли В. Сигова, позволило «деревенской прозе» преодолеть важнейшую тенденцию не только советской литературы, но и литературы «освободительного движения» XIX в., обусловленную расколом единых национальной культуры, истории, жизни на «прогрессивное» и «реакционное» и отсечением «лишнего» [28, с. 22–23].

Следует отметить, что критико-аналитический момент важен и нарастает в «деревенской прозе» 70–90-х гг., но сначала писатели-«деревенщики» показали главное – то, что вопреки внутреннему «разладу» и внешним препятствиям помогало жить и созидать: они показали не слабость, а силу народного характера, и в целом национального русского мира.

На протяжении всего XIX в. для русской литературы проблема народного характера и национальной судьбы была одной из важнейших, и в этом смысле «деревенскую прозу» с классической литературой прошлого века объединяет их постоянное внимание к вопросам народности как основным для русского художника любой эпохи¹. В этом смысле «деревенская проза» как бы осуществила в художественной сфере прогноз Ф.М. Достоевского, говорившего о необходимости «непомещичьей» литературы [11, с. 119]. Высокий, под стать классике, эстетический уровень творчества писатели, вышедшие из села, соединили с взглядом на жизнь, людей и историю «глазами народа». Взгляд «изнутри» на народную жизнь определил и иной уровень поэтики. Творцам «деревенской прозы» принципиально чужды приемы модернистского письма, гротескная образность; им близка культура классической русской прозы с ее любовью к слову пластическому, изобразительному, музыкальному; они не только восстанавливают, но и существенным образом трансформируют и углубляют традиции сказовой речи, плотно примыкающей к характеру персонажа, человека из народа.

---

¹ Проблема взаимосвязей «деревенской прозы» и русской классической литературы подробно рассматривается в монографии: Недзвецкий В.А., Филиппов В.В. Русская «деревенская проза». М., 1999; где специальная глава посвящена истокам «деревенской прозы» в литературе XIX столетия – от Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Д.В. Григоровича и И.С. Тургенева до Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Г.И. Успенского и А.П. Чехова. См. также монографию: Никонова Т. Прощание: Размышления над страницами «деревенской прозы». Воронеж, 1990; где автор исследования сопоставляет «деревенскую прозу» с произведениями бытописателей деревенской жизни XIX в. (А.И. Эртель, С. Гусев-Оренбургский и др.), а также исследует преломление тургеневской традиции в прозе В. Астафьева и В. Шукшина.

Концептуальная новизна и художественное новаторство «деревенской прозы» вызвали серьезные трудности в критике: вокруг данного литературного направления вспыхнули дискуссии, которые не прекращаются и сегодня. Можно выделить, по крайней мере, три волны критической полемики вокруг «деревенской прозы» в отечественной критике: 60-е гг. (предметом дискуссий становятся идейно-творческие установки писателей)¹; конец 70-х гг. (предметом полемики становится проблема традиционализма писателей-«деревенщиков» и развития современного общества)²; вторая половина 80-х – 90-е гг. (в центре внимания критики оказываются произведения В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева с ярко-выраженной ориентацией на «учительное», проповедническое слово)³.

В многочисленных дискуссиях вокруг «деревенской прозы» обнаружилось две характерные особенности. Первое: обилие разноречивых толкований произведений писателей-«деревенщиков». Второе: концептуальная новизна и художественные открытия «деревенской прозы» были в меньшей степени объектом изучения, скорее произведения

¹ Подробнее см.: Чалмаев В. Философия патриотизма // Молодая гвардия. 1967. № 10. С. 277–292; Глинкин П. Земля и асфальт // Молодая гвардия. 1967. № 9. С. 251; Аннинский Л. Точка опоры // Дон. 1968. № 7. С. 179–180; Викулов С. «Любовь к земле? Да!» // Наш современник. 1969. № 1. С. 125; Дедков Страницы деревенской жизни (полемиические заметки) // Новый мир. 1969. № 3. С. 243.

² См.: Проханов А. Метафора современности // Литературная газета. 1979. 12 сентября. С. 4; Гусев В. Земля и небо // Литературная газета. 1979. 19 сентября. С. 4; Коваленко В. Этот строгий судья – время; Крупин В. Наболевшее // Литературная газета. 1979. 3 октября. С. 4; Анашенков Б. ...Как зеркало НТР // Литературная газета. 1979. 17 октября. С. 4; Бондаренко В. В новую деревню на телеге?... // Литературная газета. 1979. 5 декабря. С. 4; Стрелкова И. Пошехонье условное и истинное // Литературная газета. 1979. 12 декабря. С. 4; Черниченко Ю. Хлеб – слову брат // Литературная газета. 1980. 1 января. С. 4; Сурганов В. Перед завтрашним днем // Литературная газета. 1980. 12 марта. С. 4; Селезнев Ю. Новые пути неизбежны, но... // Литературная газета. 1980. 20 февраля. С. 5; Петрик А.П. Деревенская проза: итоги и перспективы изучения // Филологические науки. 1981. № 1. С. 65–68; Шайтанов И. Реакция на перемены (точка зрения автора и героя в литературе о деревне) // Вопросы литературы. 1981. № 5. С. 34–60.

³ См.: Вильчек Л. Вниз по течению «деревенской прозы» // Вопросы литературы. 1985. № 6. С. 34–72; Чалмаев В. Воздушная воздвиглась арка... // Вопросы литературы. 1985. № 6. С. 73–117; Лейдерман Н. Почему не смолкает колокол // Лейдерман Н. Та горсть земли. Свердловск. 1988. С. 59–79; Левина М. Апофеоз беспочвенности // Вопросы литературы. 1991. № 9–10. С. 3–29; Ермолин Е. Пленники Бабы Яги // Континент. 1992. № 2. С. 48; см. также полемику вокруг произведений В. Распутина, В. Астафьева и В. Белова: Золотуский И. В свете пожара // Литературное обозрение. 1985. № 12. С. 40–52; Буртин Ю. «Реальная критика» вчера и сегодня // Новый мир. 1987. № 6. С. 232–240; Кучерский А. Печальный негатив; Старикова Е. Колокола тревоги // Культура и современность: сб. М., 1989. С. 120–136; Дюжев Ю. «Антиутопия» В. Белова // Север. 1989. № 6. С. 112–118; Урнов Д. О близком и далеком // Литература и современность. 1986–1987. М., 1989. С. 250–258.

В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина и др. были поводом и аргументом в спорах о важнейших проблемах современности. Критике 60-х гг., целиком сосредоточившейся на социологическом подходе, не удалось осуществить глубокого постижения «деревенской прозы» в единственно значимом и существенном комплексе ее идейно-художественных особенностей; тем не менее уже в 60-е гг. критика обозначила концептуальное ядро полемики – проблему взаимодействия традиции и традиционных духовно-нравственных ценностей и современной действительности. Эта проблема, чрезвычайно значимая для переломного исторического времени «оттепели», когда на первый план выдвинулся вопрос не только социально-политического, но духовного обновления общества, не теряет своей актуальности и в настоящее время. Вполне закономерно, что в переломный исторический период, обозначенный очень верно Ю. Тыняновым как время «промежутка», введение в обиход общественного сознания и художественного изображения вопроса о традиции, сопровождается крайней поляризацией мнений по, казалось бы, традиционному, но заново решаемому на каждом этапе исторического развития вопросу: как соотносятся натура человека, его сознание, сформированное традицией, и динамичное, меняющееся историческое бытие?

Отметим, что в «деревенской прозе» с самого начала определились контуры особого, органичного, не тронутого индустриализацией мира, который критика поспешила окрестить «узорной стариной». «Деревня Бердяйка, – писал один из критиков, анализируя повесть В. Белова «Деревня Бердяйка», – с т а р о р е ж и м н ы й, милый, бревенчатый порядок домов, скрип коростелей и хрупанье коров, кряжистые мужички-плотники и терпеливые бабы, гармошка, звучащая под вечер, и «славутники» – парни, идущие на гулянье к «славутницам» – девкам по в е к о в о м у ритуалу, д р е в н и е старики, лежащие на печках, в спокойном ожидании смерти, забористая речь, пересыпанная ядреными словечками и сдобренная крепковатым юмором, – у з о р н а я с т а р и н а, описанная точно таким же узорным, тяжеловесным языком» [2, с. 179–180] (*разрядка моя.* – Л.С.). Интересно, что выявленная критиком Л. Аннинским важнейшая особенность «деревенской прозы» – направленность в прошлое¹ (отметим, что речь здесь идет не об идеализации патриархальных устоев, а о духовно-нравственном потенциале традиции) превратится в объект острой полемики со стороны критиков социологической ориентации. «Увлекаясь чисто бытовой стороной ... деревенской

---

¹ «...внутренняя точка опоры у него (Белова) дана человеку и з н а ч а л ь н о: он ее не выбирал; и она работает до тех пор и при том условии, что человек остается в л о н е т р а д и ц и о н н о й д е й с т в и т е л ь н о с т и» (*разрядка моя.* – Л.С.) Аннинский Л. Точка опоры. С. 184.

жизни, – пишет критик А. Проханов, – литература упустила что-то важное в понимании тех социальных процессов, которые там происходили в последнее время» [26, с. 4]. Другой исследователь В. Коваленко обвиняет «деревенскую прозу» в «поэтизации «кондовых» устоев деревни» и в том, что она утверждает «заниженные духовно-нравственные идеалы» [14, с. 4]. Включившийся в дискуссию Б. Анашенков обнаруживает в «деревенской прозе» лишь «ее узость и ограниченность, непонятную на фоне научно-технического прогресса..., тяготение к уходящим, а то и ушедшим нравственным ценностям» [1, с. 4].

Следует отметить, что в 70-е гг. появляется ряд исследований (Ф. Кузнецов, В. Сурганов, Л. Теракопьян), в которых внимание акцентируется на философско-нравственных устремлениях писателей-традиционалистов и дается глубокий анализ ключевых произведений В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева и В. Шукшина; тем не менее некоторые выводы вышеупомянутых исследователей совпадают с оценками «деревенской прозы» критиками вульгарно-социологического направления. Так, В. Сурганов, анализируя «Привычное дело» и «Плотницкие рассказы» В. Белова, обнаруживает в Иване Африкановиче и Олеше Смолине «пошехонское начало», не соответствующее стремительному ритму современной жизни [30, с. 187]; Ф. Кузнецов упрекает В. Белова и В. Распутина в том, что они не развивают «овечкинскую» традицию и что герои большинства их произведений не отличаются социальной активностью [16, с. 54]; Л. Теракопьян, анализируя произведения В. Распутина, приходит к однозначному выводу о том, что сфера поиска в «деревенской прозе» «несколько односторонняя» и что «писатели редко изображают героя действующего, активно и творчески участвующего в решении общественных, производственных проблем сегодняшнего села» [31, с. 353].

По сути критики социологического направления требовали от «деревенской прозы» стать специализированной «литературой о деревне», четко фиксировать технологические, экономические и культурные преобразования, то есть выполнять, по существу, задачи публицистики, злободневного очерка. Такого рода реакция на «деревенскую прозу» обнаружила опасную тенденцию в социально-историческом развитии общества, которая впоследствии в 90-е гг. привела страну к национальной катастрофе: духовно-нравственные ориентиры «деревенской прозы» (Русь, Россия, Родная земля, человек, душа, мир, совесть, нравственный закон) объявлялись «кондовыми», «заниженными», не соответствующими динамичной современности. Агрессивность социологической критики вызвала ответную реакцию писателей-«деревенщиков». В. Шукшин так ответил критикам Л. Крячко и В. Орлову, обвинивших автора фильма «Ваш сын и брат» в апологии «дикой, злой самобытно-

сти»: «Город и деревня. Нет ли тут противопоставления деревни городу?... Нет. Сколько ни ищу в себе «глухой злобы» к городу, не нахожу» [36, с. 574]. Возражая критикам и настаивая на том, что «некая патриархальность... должна сохраняться в деревне», Шукшин связывает «патриархальность» не с социально-экономическим устройством деревни, а со «свежестью д у х о в н о й» [36, с. 580]. Духовно-нравственный аспект традиции подчеркивает и В. Белов, полемизируя с социологической критикой: «Критики пишут, что я противопоставляю деревню городу... Но это не так... лад был и в городе. Л а д н е л ь з я р а с с м а т р и в а т ь к а к п р и н а д л е ж н о с т ь о д н о г о п р о ш л о г о (разрядка моя. – Л.С.). Он существует и сейчас и будет всегда. Это один из способов, может быть, одно из условий существования... лад имеет и национальную, и социальную, и временную специфику, свои отличия...» [3, с. 6].

В своих полемически-заостренных публицистических выступлениях писатели-«деревенщики» вскрыли слабое место практически всех дискуссий вокруг «деревенской прозы»: исследуя произведения, критики анализировали не художественный мир писателей, а исходили из собственных умозрительных схем, соответствие или несоответствие которым определяло для них ценность литературного факта. Так, в критике 60-90-х гг. «деревенская проза» осмыслялась в контексте непрекращающихся споров о «русскости» и проблеме «Россия-Запад», и оказалась втянутой на долгие годы в дискуссию современных «почвенников» и «прогрессистов», «патриотов» и «космополитов». Хотелось бы отметить, что какие бы странные высказывания ни допускали писатели-«деревенщики» в период «гласности», «деревенская проза» в лучших ее образцах непричастна как к выпренной декламации об исключительности и мессианском предназначении русской души [35, с. 271], так и к домыслам критиков противоположной ориентации, для которых само слово «национальная традиция» становится исключительно синонимом «неподвижности», «рутины», чем-то радикально оторвавшимся от динамичного современного момента [18, с. 3–22]. Большинство критиков, попытавшихся рассмотреть «деревенскую прозу» в свете идей русской философии, впали в ту же крайность, что и критики социологического направления: от «деревенской прозы» требовали соответствия тому умозрительному комплексу идей, которые проповедовали сами критики, и любое несоответствие данным схемам трактовалось как художественная слабость произведений писателей-«деревенщиков». Такого рода тенденциозный подход к «деревенской прозе» обнаружился еще в 60-е гг.: Л. Аннинский, анализируя способ восприятия мира героями произведений В. Белова, писал: «Это сознание д о л и ч н о с т н о е, еще не

отпавшее от среды. Это существование, всецело определенное средой, не знающее личного начала» (*разрядка моя.* – Л.С.) [2, с. 179–180]. С.Л. Аннинским солидаризируется и критик 90-х гг. М. Левина, утверждая, что апофеоз безличности является художественно-смысловой доминантой «деревенской прозы»: «Иерархичность бытия, подчиненность единичного и конечного общему и вечному; растворенность индивидуального в бесконечных витках круговорота «рождение – размножение – смерть» для мирозерцания, выражаемого деревенской прозой, не просто непреложный закон, но и воплощение высшей мудрости бытия. Рефрен произведений деревенщиков – хвала, воздаваемая Жизни в ее безличности и нескончаемости» (*разрядка моя.* – Л.С.) [18, с. 14].

Вряд ли правы критики, упрекающие писателей «деревенщиков» в отсутствии внимания к личностному самосознанию человека. Отметим, что в целом полемика вокруг «деревенской прозы» оказалась малопродуктивной, так как изначально критиков и писателей, размышлявших над одним и тем же вопросом – какой быть России – волновали разные вещи: критика в большей степени была сосредоточена на «судьбе свободы» и «судьбе личности», тогда как для писателей-«деревенщиков» ключевым вопросом как в 60-е, так и в 90-е гг. был вопрос от отношении к национальной традиции. Национальная традиция, актуализация духовно-нравственного содержания традиции в современную эпоху определяли творческую задачу писателей-«деревенщиков»¹. Об актуальном аспекте национальной традиции верно заметил Г. Свиридов: «Искусство не эклектическое, цельное должно держаться на прочной (крепкой) национальной традиции. Эта традиция не есть нечто застывшее, окостеневшее, отсталое (от кого? от чего?), исчерпавшее себя... Напротив, традиция – есть живой, бесконечно меняющийся организм. Одна лишь сердцевина его цельна. Она подобна цельному ядру, излучающему грандиозную энергию. Это ядро – суть нравственная жизнь нации, смысл ее существования» (*разрядка моя.* – Л.С.) [27, с. 47]. Именно так – как «живой, бесконечно меняющийся организм» – воспринимают национальную традицию В. Распутин, В. Белов, В. Шукшин, В. Астафьев. На эту особенность мировоззрения писателей впервые обратил внимание С. Залыгин: в своих размышлениях о творчестве В. Белова он не только попытался

¹ В этом смысле все обвинения писателей-традиционалистов в том, что они призывают к возрождению социально-экономических патриархальных форм жизни, оказываются совершенно несостоятельными. Тем не менее этот упрек довольно устойчиво проявляется в различных отзывах на «деревенскую прозу». См., например: Лейдерман Н. Та горсть земли... С. 76–77; Чалмаев В. Воздушная воздвиглась арка... С. 116; Левина М. Апофеоз беспочвенности. С. 21–24.

объяснить «таинственную убедительность» произведений писателя счастливым сочетанием в нем «сегодняшнего» слуха и зрения с органической верой в традицию, но и увидел в традиционности В. Белова ясно осознанную творческую задачу [12, с. 134].

В современной критике эта важнейшая доминанта творчества писателей-«деревенщиков» – их органическая вера в национальную традицию и сосредоточенность на «ядре культуры – нравственной жизни нации» – стала довольно устойчиво определяться как комплекс «неославянофильства» как со знаком плюс, так и со знаком минус. Так, в исследованиях по русской культуре XX в. представители «деревенской прозы» рассматриваются как наследники «славянофилов» XIX в. «К неославянофильской идеологии (в широком социокультурном смысле), – пишет И.В. Кондаков, – так или иначе тяготели ... писатели, критики и мыслители самобытно-русской (а подчас и прямо националистической) ориентации: А. Солженицын и И. Шафаревич, В. Распутин и В. Белов, В. Чивилихин и В. Крупин, П. Палиевский и В. Кожин, М. Лобанов и В. Чалмаев, А. Проханов и С. Куняев» [15, с. 244]. Суть «неославянофильства», по мысли И.В. Кондакова, выражается, во-первых, в стремлении «усилить национально-русское духовное наследие и национально-культурное своеобразие – в противовес размыванию и разрушению национальной специфики в духе коммунистического интернационализма или космополитического либерализма»; во-вторых, в постоянном интересе к «устойчивым, относительно постоянным и определенным составляющим национального характера и самосознания русского народа» [15, с. 245].

Отметим, что в конце 80-х – начале 90-х гг. в современной критике сама ориентация на национальную традицию вышеназванных писателей оценивается как крайне негативный фактор, а временами прямо отождествляется с «русским шовинизмом» и «националистической деградацией» «деревенской прозы»¹. Так, по мысли М. Левиной, именно ориентация на национальную традицию привела «деревенскую прозу» к кризису, так как для писателей-«деревенщиков» «русское» значимо лишь постольку, поскольку отождествляется с этапом развития общества, имеющим четкие исторические координаты; с тем этапом, на котором безличность, не-свобода, растворенность индивида в коллективе были непреложным законом» [18, с. 24]. Критики Н. Лейдерман и М. Липовецкий «неославянофильство» «деревенской прозы» связывают с «априорной идеализацией прошлого» и «созданием художественного мифа – мифа о «деревенской Атлантиде» [17, с. 55–56]. Независимо от различных трактовок «неославянофильства» большинство критиков в

---

¹ См., например: Толстая Т. Не могу молчать // Огонек. 1990. № 4. С. 40.

90-е гг. пришло к единому выводу – о кризисе «деревенской прозы»: так, по М. Липовецкому, «кризис «деревенской прозы» наиболее отчетливо проявился в «кризисе традиционалистского отношения к прошлому как образцу» (*разрядка моя.* – Л.С.) и «деградации, не только идеологической (в сторону националистического фундаментализма), но и эстетической (в сторону прямолинейной публицистики) ее ведущих авторов» [19, с. 87].

Следует подчеркнуть, что стремление критиков рассмотреть творчество писателей-«деревенщиков» в русле славянофильских идей (либо со знаком плюс, либо со знаком минус) активизируется в эпоху исторического перелома (вторая половина 80-х – начало 90-х гг.), когда на смену изоляционизму приходит западничество, меняется социальный и культурный статус нации и актуализируется проблема взаимоотношений русской и западной культур. Исследуя одну из самых бурных эпох в русской истории – время реформ Петра I – и ее основополагающие ориентиры, А.М. Панченко приходит к выводу о том, что «драматизм христианизации не идет ни в какое сравнение с драматизмом и даже трагизмом европеизации» (*разрядка моя.* – Л.С.) Трагический знак эпохи реформ – раскол общества: «общество буквально раскололось, раздвоилось, оказавшись в состоянии войны – отчасти социальной и прежде всего идеологической» (*разрядка моя.* – Л.С.) [22, с. 322]. Безусловно, всякое изменение и социального, и культурного статуса нации есть историческая драма, которой сопутствует кризис культуры. Кризис культуры, по определению А.М. Панченко, это «нарушение органического сознания, его раздвоение, культурная шизофрения» [22, с. 323].

Именно кризисом культуры можно объяснить столь резкую поляризацию мнений о «деревенской прозе» и усиление негативной реакции на произведения писателей-«деревенщиков» в 90-е гг.; интересно, что признанные практически всеми критиками в 60–80-е гг. достоинства «деревенской прозы» (реализм, верность традиции русской классики и т.д.) в дискуссиях 90-х определялись не иначе, как «архаика», «патриархальность», «ностальгия по давно ушедшему прошлому» и т.п.¹ В литературной пародии «Прощание» писатель-постмодернист В. Сорокин, обыгрывая ключевой сюжет писателей-«деревенщиков» – возвращение на «малую родину» – создает зловещий антимир русской деревни: «поэтичная, лиричная «малая родина» превращается в первобытную пустыню без людей, без государства, в которой осталось лишь метафорическое «босоное детство» с «деревянными дудочками». Всплеск резко негативных суждений о «деревенской прозе» наблюдается в 90-е гг. не

¹ см.: Левина М. Апофеоз беспочвенности; Чалмаев В. Воздушная воздвиглась арка; Липовецкий М. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики и др.

только в России, но и в литературе русской эмиграции. Свое отрицательное отношение к «деревенской прозе» писатель В. Войнович выразил в пьесе «Трибунал» в обобщенном образе Писателя, который отправляется в тайгу бороться против «троцкистов» и других «нерусских»; в контексте этой сатиры «деревенская проза» ассоциируется исключительно с «русским шовинизмом».

Негативную оценку «деревенской прозе» дают И. Бродский и В. Аксенов¹. Критик русской эмиграции Ю. Мальцев называет «деревенскую прозу» «промежуточной литературой»; по мысли критика, писатели-«деревенщики» занимают промежуточное положение между литературой соцреализма и литературой эмиграции («деревенская проза» сказала больше о реальной действительности, чем литература соцреализма, но эта правда неполная») [20, с. 285–321]. П. Вайль и А. Генис видят главные недостатки «деревенской прозы» в ее «анахронической народности» и «провинциальности» [5, с. 93–95].

Таким образом, в критике 90-х гг. доминирует представление о «деревенской прозе» как о «скудной обыденности прошлого», не соответствующей европейским прогрессивным идеям, где сама национальная традиция представляется тормозом интеграции России в европейское сообщество. Данная тенденция (резкая поляризация мнений о «деревенской прозе») свидетельствует о драме непонимания самобытных русских писателей современной им критикой; писателей, оказавшихся «на обочине» не затухавших идеологических споров и не примкнувших ни к «славянофилам», ни к «западникам» современной истории и, таким образом, противопоставивших себя магистральной общественно-литературной тенденции². «Деревенская проза» была вовлечена в актуальный спор об историческом пути развития России между нынешними «славянофилами» и «западниками» по той причине, что в произведениях писателей-«деревенщиков» сосредоточен огромный потенциал правды, боли и думы о России, но в «деревенской прозе» обнаружилась оппозиционность не только канонам соцреализма, но и канонам идеологических дискуссий: позиция писателей-«деревенщиков» в литературно-крити-

---

¹ В эссе о русской литературе XX в. И. Бродский оценивает произведения В. Распутина, В. Белова и В. Астафьева 80-х гг. как стилистическую и эстетическую неудачу писателей, обнаруживая в них «националистическую тенденцию». С мнением И. Бродского солидарен и В. Аксенов. См.: Joseph Brodsky, *Less Than One: Selected Essays* (New York: Farrar, Straus, Giroux, 1986), 294–295; В. Аксенов. Не вполне сентиментальное путешествие // *Новое русское слово*. 16 марта. 1990. С. 10–11.

² Мы разделяем точку зрения Ю. Лотмана о том, что «русское славянофильство и западничество были разными аспектами именно русской культуры» (Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 415). На наш взгляд, попытки критики найти соответствия славянофильской идеологии в «деревенской прозе» страдают умозрительностью.

ческой борьбе 60–90-х трагически-парадоксальна, обречена на непонимание, так как не соответствует идеологическим клише как «западников», так и «славянофилов», и ищет свой «третий путь». Отметим, что при всем различии творческих индивидуальностей, позиций, стилевых манер авторов, произведения В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина, В.Белова объединены пафосом исследования причин и следствий; смысл их творчества заключается в соприкосновении всеобщих известных прогрессивных идей с теми пластиками реальности, которые знали только они.

Интересен и парадоксален тот факт, что «деревенская проза», представленная в новейшей критике как «кризисное, анахроничное» направление в современной русской литературе, вызывает большой интерес и оживленные дискуссии в среде англо-американских исследователей. Хотя в большинстве зарубежных работ преобладает социально-политический подход¹, препятствующий целостному и глубокому анализу «деревенской прозы», тем не менее англо-американские исследователи именно в произведениях писателей-«деревенщиков» ищут феномен «русскости». Так, Д. Петерсон архетип «деревенской прозы» видит в рассказах А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» и, исследуя «деревенскую прозу» как важнейшую тенденцию литературного процесса второй половины XX в., приходит к выводу о том, что именно писатели-«деревенщики» выразили такие духовно-нравственные константы «русской души» как «вековечную устремленность к идеалу» и «стремление выйти за пределы обыденности» («именно эту доминанту утверждает «деревенская проза» в противовес ощущению безысходности, абсурдности бытия, преобладающему в литературе модернизма и постмодернизма») [24, с. 64–77]. К. Парте в своем исследовании о «деревенской прозе» утверждает, что это «важнейшая тенденция в русской литературе 1950–80-х гг., оппозиционная официальной «колхозной литературе» (термин К. Парте) и восстанавливающая ценности русской дореволюционной культуры [23, с. 128]. По мысли Э. Браун, писатели-«деревенщики» «породили одни из лучших произведений XX века» и «создали даже не стиль, а образ мышления русского читателя» [4, с. 293].

Хотя работы англо-американских русистов отличаются по методу и аспектам исследования «деревенской прозы», практически все они при-

¹ Отметим, что в 80–90-е гг. в ряде работ обнаруживается деидеологизация подхода к феномену «деревенской прозы». См., например: Parthe K. Russian Village Prose. The Radiant Past. Princeton. 1992; Gillespie D. Valentin Rasputin and Soviet Russian Village Prose. L., 1986; Гивенс Д. Особенности реализации экзистенциалистских идей в прозе В.М. Шукшина // В.М. Шукшин – философ, историк, художник. Барнаул, 1992; Вертлиб Е. Василий Шукшин и русское духовное возрождение. Нью-Йорк, 1990 и др.

ходят к выводу о том, что доминантой «деревенской прозы» является традиционализм русских форм мышления, причем данная доминанта рассматривается как со знаком плюс, так и со знаком минус. По мнению некоторых исследователей, например, Д. Гибиана, именно традиционализм русских форм мышления в их образной конкретности становится барьером между Россией и Западом с его абстрагированным рационализмом и отходом от традиционных ментальных путей; русские же, по мысли ученого, тяготеют к крестьянскому «медленному мышлению» [7, с. 38–43]. Этой же точки зрения придерживается и К. Кларк в своей известной работе «Современный роман. История как ритуал». Отмечая оппозиционность «деревенской прозы» литературе соцреализма, К.Кларк пишет, что «деревенская проза» открыла тот национальный русский мир, который, казалось бы, должен был исчезнуть в процессе революционных преобразований, но не исчез, а сохранил устойчивые духовно-нравственные доминанты дореволюционного времени; этот русский самобытный мир, отраженный писателями-«деревенщиками» в своих произведениях, К. Кларк называет «иконической версией русской деревни» [13, с. 241–246].

На наш взгляд, более плодотворной тенденцией в англо-американском литературоведении является поиск точек соприкосновения «деревенской прозы» с литературой Запада – через погружение «деревенской прозы» в русло традиции. Эта устойчивая тенденция – поиск сходжений в русском (дореволюционном и современном) и западном земледельческом мировосприятии и образе жизни – проявляется в исследованиях К. Парте, Д. Гиллеспи, Д. Хоскинга и др. Так, К. Парте обращает внимание на универсальную природу такого сугубо национального явления, как творчество писателей-«деревенщиков», и резюмирует: «Любая страна, в сжатые сроки сменившая преимущественно сельский образ жизни... на более урбанизированный, индустриализированный путь развития (со всеми присущими ему потерями и переменами), имеет много общего с Россией, воплощенной в «деревенской прозе». Американский Юг в романах Фолкнера, Англия Р. Блида и Ф. Томпсон, Франция Д. Бергера, не говоря уже о странах развивающегося мира, находятся гораздо ближе к сельской России, нежели показывает географическая карта» [23, с. 21–29]. По мысли К. Парте, писатели-«деревенщики» углубляются в архетипические земледельчески-мифологические пласты, которые связывают национальный русский мир с общечеловеческими праосновами. Феномен русского образа мыслей, возникшего на основе естественных форм крестьянского мироощущения, К. Парте исследует с помощью ключевых понятий: «природа», «память», «детство». Создание модели «деревенского мира», по мысли К. Парте, – это путь самозащиты, защи-

ты «органической жизни» от дисгармонии индустриального мира; доминантой этого мира становится «сопряжение духовно-человеческого и биологически-природного начал в едином развитии героев и автора, меняющего лики и маски» [23, с. 26–29]. Ностальгия по «детству человечества», когда «мир предстал перед человеком единым органическим целым» рассматривается как важнейшая доминанта творчества В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева, В. Шукшина и в исследованиях К. Менерта: К. Менерт обращает особое внимание на тот факт, что «в «деревенской прозе» преобладает интерес не столько к социально-исторической конкретике, сколько к проблематике онтологической, то есть имеющей универсальный характер» [21, с. 216–220].

«Всепроницающее универсальное авторское начало» формирует светлые праздничные стороны художественного мира, где «животные, рыбы, птицы и даже пейзаж – все обретает человеческие характеристики», – так пишет Д. Гиллесли о «Царь-рыбе», а в самом В. Астафьеве исследователь видит продолжателя классических традиций английской литературы, созданной еще Т. Гарди [9, с. 264]. Д. Хоскинг, размышляя над «Привычным делом» В. Белова, отмечает единство и равенство детей, взрослых и зверей в мире «деревенской прозы», где они получают возможность вместе предаваться воспоминаниям и даже философствовать [33, с. 60–61].

Англо-американские исследователи обращают внимание на своеобразие пространства и времени в художественном мире писателей-«деревенщиков». Так, по мысли некоторых исследователей «пространственно-временные архетипические формы восприятия, свойственные многим западным народам с аграрным прошлым, представлены в «деревенской прозе» сочетанием двух темпоральных моделей (циклической и линейной) с такими архетипами земледельческого менталитета, как, скажем, образ внутреннего пространства». [23, с. 6–7]. Образ внутреннего пространства – древняя охранная модель поведения, знаменующая поиск аналога внутреннего мира в противовес чужому, внешнему пространству. Эта оппозиция носит универсальный характер и, по мысли К. Парте, соответствует антиномии русского характера с его тягой к традиционализму, с одной стороны, и культом воли, с другой стороны [23, с. 7].

Таким образом, по мысли большинства англо-американских исследователей, в произведениях писателей-«деревенщиков» возникает сущностная модель развития, или литературный архетип, имеющий универсальный характер и присущий мировой литературе в целом¹. Суть мо-

---

¹ В отечественной критике на универсальный характер модели мира в прозе В. Распутина указала Г. Белая (Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. М., 1983. С. 141–149).

дели, преемницей которой стала в русской литературе «деревенская проза», состоит в поиске самоидентичности, и этот поиск неизбежно связан с критикой современного общества и вызван острым чувством потери гармонии, целостности, идеала и необходимости преодолеть отчуждение от естественно-природной и социальной среды. Возрождение традиционных форм мышления (традиционализм) рассматривается в англо-американской критике как решающая черта «деревенской прозы». По мысли большинства исследователей, именно традиционализм определяет не только преемственность «деревенской прозы» по отношению к русской и западной литературе, но и принципиальную оппозиционность – отражение глубинного антагонизма русской деревни (и шире – традиционной России) и советской действительности. Так, Д. Петерсон утверждает, что появление «деревенской прозы» стало началом «традиционалистской контрреволюции» [24, с. 66].

Многие исследователи, отмечая этический консерватизм «деревенской прозы», соотносят ее со школой критического реализма. Как отмечает Д. Браун, «явно демократичная по своему мироощущению, она («деревенская проза». – Л.С.) представляет собой глубинное и наиболее откровенное проявление социального критицизма, разрешенного к публикации в последние годы. Это критический реализм, проверка и утверждение самих основ русской культуры» [4, с. 222]. Д. Гиллеспи также относит В. Астафьева и В. Распутина к «школе критического реализма в русской литературе, традиционно консервативной в отношении формы и объекта изображения, а также сознательно придерживающейся русского литературного канона» [10, с. 266]. Д. Хоскинг, размышляя над прозой В. Белова, В. Шукшина и В. Распутина и отвергая возможность применения термина «соцреализм» к творчеству писателей, приходит к выводу о том, что «у этих прозаиков куда больше общего с известными «критическими» реалистами XIX века – и в России и за рубежом – со Стендалем, Элиотом, Бальзаком, Львом Толстым» [34, с. 60–61]. Р. Портер, проводя параллели между консерватизмом русских традиционалистов-«деревенщиков» и консерватизмом английских писателей, обнаруживает сходство в поиске «нравственных ориентиров посредством определения будущего через взгляд в прошлое. Это и есть консерватизм в наиболее широком смысле слова, и в лучших произведениях Распутина, как и у Гарди и Лоуренса, он имеет скорее освобождающий, нежели сдерживающий характер» [25, с. 63]. Концепт «светлое прошлое», который Р. Портер считает важнейшей составляющей «деревенской прозы», интерпретируется по-разному в работах англо-американских исследователей. Так, К. Кларк отождествляет разнонаправленные временные модели «деревенской прозы» и литературы соцреализма

– «светлое прошлое» / «светлое будущее» – на основе их «мифологичности», «потребности в идеализации» и внутренней идеологической направленности к «Великому Времени» – «потерянному раю» [13, с. 61]. На наш взгляд, более правомерна позиция К.Парте, которая, полемизируя с К. Кларк, раскрывает метафизическое содержание концепта «светлое прошлое» в «деревенской прозе». По мысли исследовательницы, здесь речь идет прежде всего об актуализации идеала, удаленного на эстетическую дистанцию, и локализации в нем представлений о совершенстве, гармонии и красоте; «светлое прошлое» в «деревенской прозе» выражает прежде всего идею «органической жизни» [23, с. 5]. Д. Гиллеспи, анализируя временные модели в прозе В. Распутина, приходит к выводу о том, что «светлое прошлое» в контексте творчества писателя символизирует полноту бытия, идею гармонии и противопоставлено «потерянному настоящему», в котором доминируют апокалиптические мотивы, и будущему, представленному в прозе Распутина, по мысли ученого, как «культурный и моральный вакуум» [10, с. 62].

Соотношение «деревенской прозы» с западной культурной традицией позволило исследователям обнаружить в данном литературном направлении не только возрождение традиционных форм мышления, имеющих универсальный характер, но и проблемно-тематические сходения. Это – и светлая грусть по уходящему укладу (основная тема традиционализма); и мотив утраты духовной чистоты своего «я»; тоски по гармонии; яростная реакция на искоренение крестьянства: реакция отторжения и социального критицизма. Как подчеркивает Р. Портер, литературная традиция, соотносящая «деревенскую прозу» с английской литературой, позволяет включать русских писателей в определенный сравнительный ряд имен (Т. Гарди, Д.Г. Лоуренс и др.), а также выводит на первый план проблему «человек – природа», развернутую не только в традиционалистском, но и ином аспекте: «свобода» (как феномен западного образа мыслей) – воля (как сугубо русское явление) [25, с. 63]. Д. Гиллеспи соотносит творчество В. Распутина и других писателей-«деревенщиков» с творчеством Вордсворта, а также с Диккенсом, Элиотом, Гарди, и далее, вплоть до Д.Г. Лоуренса, до начала XX в., выявляя проблемно-тематическую доминанту в творчестве столь разных по эстетическим устремлениям авторов: это, по мысли исследователя, тема утраты гармонии, разрыв связей между человеком и миром. У русских писателей-традиционалистов и писателей-«натуралистов» в Англии XIX–XX вв., подчеркивает Д. Гиллеспи, преобладает культивация духовности и иррациональности образа мышления как более надежных показателей добра и нравственности [10, с. 62]. Анализируя ключевые концепты в творчестве В. Шукшина – пространство, воля, свобода –

Д. Гивенс обнаруживает пересечение и даже совпадение принципов экзистенциалистов XX века (Ж.-П. Сартр, А. Камю) и творческих установок В. Шукшина: «Пограничность ситуации многих шукшинских героев, их бунт против “норм” общества, их поиски Правды, которые ведут их к бездне страшной свободы, их мучительное одиночество среди людей и одновременно тяга к ним – явная переключка с идеями экзистенциалистов». По мнению исследователя, «творчество русского писателя успешно преодолевает межнациональные барьеры» и «обнаруживает и акцентирует иное универсальное содержание, включаясь в более широкий контекст мировой культуры и интеллектуальной истории» [8, с. 171–176].

Важно отметить, что в англо-американских исследованиях писатели-«деревенщики», оставаясь консерваторами в плане духовно-нравственных установок, представлены новаторами в области художественной формы, причем особое внимание обращается на жанровую новизну произведений «деревенской прозы». Так, Д. Харрис включает творчество А. Солженицына и В. Белова в жанровую традицию, вбирающую «литературу факта» и другие поджанры «документалистской», мемуаристской и автобиографической прозы и представленную именами Д. Джойса, М. Пруста, У. Фолкнера, А. Белого, А. Ремизова, В. Розанова, менее известных Р. Пирсига, Т. Моррисон и др. [32, с. 200–201]. К. и Д. Гаррард в своем исследовании «Горжество традиции (американская литература факта и русская художественная литература) обнаруживают генетико-типологическое сходство «деревенской прозы» и американской «литературы факта»: по мысли ученых, появление обоих связано с гносеологическим кризисом в литературе, выразившемся как в упадке соцреализма, так и американского «высокого романа» [6, с. 223–228].

На наш взгляд, в зарубежных исследованиях встречаются достаточно спорные суждения как в целом о «деревенской прозе», так и о творчестве виднейших ее представителей, но в осмыслении «деревенской прозы» англо-американскими учеными можно выделить несколько принципиально важных моментов:

– в большинстве исследований подчеркивается т р а д и ц и о н а л и з м «деревенской прозы», причем под традиционализмом понимается не только следование традиции русской классики, а отражение мироощущения русского человека и русского национального мира: за фабульными событиями «деревенской прозы» критики видят традицию национальной культуры.

– анализируя национальную специфику «деревенской прозы», англо-американские ученые тем не менее стремятся вписать данное литературное направление в американско-европейскую традицию осмысления

земледельческого образа жизни и мироощущения, а также исследуют ряд схождений: русская – западная литературная традиция; русский традиционализм – западный консерватизм и т.д., таким образом подчеркивая важный момент: «деревенская проза», будучи феноменом национальной культуры, обнаруживает универсальное значение и включается в контекст мировой культуры.

В целом вышеприведенный анализ интерпретаций «деревенской прозы» в англо-американской критике позволяет сделать вывод о том, что творческий диапазон писателей-традиционалистов отнюдь не исчерпывается поиском национальной самоидентичности, как это пытаются представить некоторые отечественные критики неолиберальной ориентации; напротив, по мысли большинства западных исследователей, писатели-традиционалисты обладают универсальной способностью отображать средствами своей культуры идеи других культур и тем самым включаться в историю мировой культуры на правах ее органической составной части, характеризующейся общими с другими частями идеями, мотивами, образами, сюжетами.

***

1. Анашенков Б. ...Как зеркало НТР // Литературная газета. 1979. 17 окт.
2. Аннинский Л. Точка опоры // Дон. 1968. № 7.
3. Белов В. Жажда лада // Книжное обозрение. 1987. 20 марта.
4. Браун Д. Brawn E. Russian Literature since the Revolution. Cambridge (Mass.) L., 1982.
5. Вайль П., Генис А. Современная русская проза. Ann Arbor: Hermitage. 1982.
6. Гаррард. К и Д. Торжество традиции (американская литература факта и русская художественная литература) // Иностранная литература. 1988. № 5.
7. Гибиан Г.: Gibian G. How Russian Proverbs Present the Russian National Character // Russianness. Ardis: Ann Arbor, 1990.
8. Гивенс Д.: Givens J. Siberia as Volia: Vasilii Shukshin's Search for Freedom // Between Heaven and Hell. The myth of Siberia in Russian Culture. N.Y., 1993.
9. Гиллеспи Д.: Gillespie D. A Paradise Lost? Siberia and Its Writers, 1960 – to 1990 // Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture. N.Y., 1993.
10. Гиллеспи Д.: Gillespie D. Valentin Rasputin and Soviet Russian Village Prose. London: Modern Humanities Research Association, 1986.
11. Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 22.
12. Залыгин С. Литературные заботы. М., 1972.
13. Кларк К.: Clark K. The Soviet Novel. History as Ritual. Chicago and London, 1981.
14. Коваленко В. Этот строгий судия – время // Литературная газета. 1979. 3 октября.

15. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.
16. Кузнецов Ф. Самая кровная связь: Судьбы деревни в современной прозе. М., 1977.
17. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература. М., 2001. Кн. 2.
18. Левина М. Апофеоз беспочвенности // Вопросы литературы. 1991. № 9–10.
19. Липовецкий М. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997.
20. Мальцев Ю. Промежуточная литература и критерий подлинности // Континент. 1980. № 25.
21. Менерт К.: Mehnert K. The russians and their favorite books. Stanford. California, 1983.
22. Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
23. Парте К.: Kathleen F. Parthe. Russian Village Prose. The Radiant Past. Princeton, New Jersey, 1992.
24. Петерсон Д.: Peterson D. Solzhenitsyn Back in the USSR: Anti-Modernism in Contemporary soviet Prose // Berkshire Review. 1981. Vol. 16.
25. Портер Р.: Porter R. Four Contemporary Russian Writers. Oxford – N.Y., 1989.
26. Проханов А. Метафора современности // Литературная газета. 1979. 12 сентября.
27. Свиридов Г. Разные записки // Наш современник. 2000. № 2.
28. Сигов В.К. Русская идея В.М. Шукшина. Концепция народного характера и национальной судьбы в прозе. М., 1999.
29. Солженицын А. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 года // Новый мир. 2000. № 5.
30. Сурганов В.А. Человек на земле. Историко-литературный очерк. М., 1975.
31. Теракопьян Л.А. Пафос преобразования. Тема деревни в прозе 50–70-х годов. М., 1978.
32. Харрис Д.: Harris J. Autobiographical Theory and Contemporary Soviet and American Narrative Genres // American Contributions to the Tenth International Congress of Slavists. Sofia, 1988 (Columbus, OH, Slavica, 1988).
33. Хоскинг Дж.: Hosking G. Beyond Socialist Realism. Soviet Fiction since "Ivan Denisovich". L.– Toronto – Sidney – N.Y., 1980.
34. Хоскинг Дж.: Hosking G. The Russian peasant rediscovered «Village prose» of the 60's // «Slavic rev.» Seattle, 1973. Vol. 32. № 4.
35. Чалмаев В. Философия патриотизма // Молодая гвардия. 1967. № 10.
36. Шукшин В.М. Собр. соч.: в 6 т. М., 1998. Т. 3.